

Когда рана на руке стала заживать, Фэн Цзю в тот же день могла начать передвигать кастрюли и сковородки. По ее мнению, Сицзэ Шэньзюнь уже должен был вернуться во дворец Цинань.

На болоте Шуйюэ она как-то похвасталась Сицзэ, что лучше всех умеет делать ириски. В Цинцю она больше всего гордилась своими кулинарными способностями. Жаль, что она не смогла покрасоваться из-за своей раненой руки. Не двигать рукой еще один день было бы невыносимо. Как только доктор снял с нее повязку, она вихрем помчалась на кухню. Но во что ей превратить эти ириски?

Любой в этом мире, кто хоть что-то знает, выбрал бы лису в качестве своего любимого питомца. Мысленно она предположила, что Сицзэ должен быть знающим человеком. В то же время она была полностью уверена в своей первоначальной лисьей форме. По этой причине она сделала форму в виде лисы в соответствии с ее оригинальным внешним видом. Она подождала, пока сахар станет похожим на карамель, затем вылила сироп в форму и стала напевать песенку. После того, как жидкость остыла, она стала забавной маленькой лисой. Каждая лиса-ириска была насажена на тонкую палочку, чтобы ее легко можно было съесть.

Она сделала десять таких ирисок, аккуратно завернула их и приложила к письму, которое написала несколько дней назад, прося Сицзэ помочь ей в ее инсценировке. Она поручила Чаче немедленно доставить их во дворец Цинань и передать непосредственно Сицзэ.

- По сравнению с ирисками, письмо немного важнее. Если ты столкнешься с какой-либо проблемой, ты можешь отказаться от ирисок, но письмо необходимо защитить.

Она наблюдала за выражением глаз Чачи. В них мелькнула неуверенность, а затем испуг. Потом выражение ее лица стало спокойным, а в глазах засияла радость.

Она услышала, как маленький слуга, который шел с Чачой, открыл рот, чтобы смущенно спросить: «Почему письмо немного важнее?»

Чача, дойдя до сводчатого дверного проема, понизила голос, чтобы ответить. Фэн Цзю не могла разобрать, что она сказала; кажется, это было: «Это первый раз, когда Ее Высочество написала такого рода письмо Его Светлости, конечно, письмо более важно».

Фэн Цзю почесала в затылке и вернулась, чтобы плюхнуться на кровать. Такого рода письмо. Что же это за письмо такое? Она была всего лишь маленькой дворцовой служанкой, но у нее было больше опыта, чем у нее, даже в знаниях о видах писем. Но что же это было за письмо?

Су Мое пришел в час петуха [1]. Он, казалось, торопился, когда сказал ей, что Сицзэ вызвал его по срочному делу и ему нужно отправиться во дворец Цинань. Он догадывался, что она еще не приступила к письмам Араньи Чэнь Е, так что за последние несколько дней он уже написал их все для нее. Все, что ей нужно было делать, это посылать по одному каждые несколько дней в поместье Мэнчунь.

Фэн Цзю действительно не приступала ни к одному из писем. Она втайне вздыхала, считая Мо Шао родственной душой. Тем не менее, она нашла это немного странным и удивилась, как Сицзэ смог вызвать его, когда за пределами этой долины Су Мое был мастером, к которому даже Шанцзюнь должен был относиться с некоторым уважением. Но радость при виде этих писем на время рассеяла ее сомнения.

В детстве она больше всего ненавидела занятия по буддизму, чего только стоили эти задания учителя по переписыванию разных постулатов, ужас. Поскольку на этот раз он был так благороден, Мо Шао значительно вырос в ее глазах. Она легонько подпрыгивала всю дорогу, сопровождая его из поместья принцессы.

Воспользовавшись тем, что за ивовым деревом уже показалась луна, Фэн Цзю попросила своего управляющего доставить первое письмо в поместье Мэнчунь.

За ужином она съела тарелку каши и половину пирога. Когда она собиралась отдохнуть, в ее дом ввалился молодой слуга. Он всхлипывал, рассказывая, что в поместье Мэнчунь случились большие неприятности.

Фэн Цзю вздрогнула от неожиданности. Какая же это большая беда - напугать такого смышленного ребенка? Слуга потер опухоль на лбу и, задыхаясь, заплакал.

Как в ее поместье могут быть подобные издевательства? Кто бы ни совершил это преступление, он решил камнями на камне не оставить от ее репутации. Фэн Цзю взяла слугу за руку и возмущенно нахмурилась: «Пойдем, сестрица тебя поддержит».

Внутри поместья Мэнчунь большинство слуг собралось в покоях Чэнь Е. Судя по теням, которые она видела в окне, внутри действительно царил хаос.

Фэн Цзю задумалась. Что лучше: быть строгой, используя разум или быть нежной, проявив заботу, в этом случае? Большая часть ее гнева улетучилась по дороге сюда, и, подумав немного, она почувствовала, что должна быть немного мягче.

Только она вошла в дверь с нежным выражением лица, как фарфоровая чашка полетела ей в лицо и ударила о лоб.

Чашка приземлилась на землю и повергла полную комнату людей в шок. Ее старый управляющий немедленно опустил голову вниз и попросил прощения, одновременно вытирая пот со лба.

- Я не знал, не знал, что Ваше Высочество придет. Ваш... ваш покорный слуга...

Фэн Цзю спокойно вытерла суп рукавом и резко оборвала его: «Что происходит?»

Слуги не зря проходили обучение – сейчас они проворно, но беззвучно подходили к ней, одни подавали ей полотенца, другие подметали осколки. Старый управляющий дрожал, отвечая: «Его Превосходительство Чэнь Е немного выпил сегодня вечером. Я не мог уйти, чтобы доложить вам, и боялся, что вы будете волноваться, если не получите от меня известий. Поэтому я велел помощнику передать вам несколько слов. Я не думал, что это встревожит вас, как непростительно с моей стороны...»

Теперь Фэн Цзю видела только Чэнь Е, лежащего в постели.

Несколько слуг окружили кровать. Один сидел на полу и, казалось, был там до того, как она вошла; другой собирал с пола осколки; третий принес новую чашку с отваром для Чэнь Е.

Оказалось, что Чэнь Е был пьян. А пьянство было так же банально, как семена кунжута. Будь она сейчас Фэн Цзю, она бы точно бросила ему полотенце и ушла.

Но теперь она была Араньей.

Аранья была влюблена в Чэнь Е. Один его хмурый взгляд вызовет беспокойство и заставит ее озабоченно написать ему письмо, чтобы подбодрить его и избавить от дурного настроения. Его пьянство прямо сейчас, несомненно, было большой проблемой.

Управляющий внимательно наблюдал за выражением ее лица и осторожно сказал: «Поскольку Его Превосходительство Чэнь Е пьян, его настроение меняется очень быстро. Ваше Высочество, если останетесь здесь, это принесет вам лишь беспокойство, вы даже можете пораниться. Достаточно того, что я останусь здесь и присмотрю за ним. Возможно, вам следует удалиться в свою комнату и отдохнуть».

Фэн Цзю тщательно оценила ситуацию, представшую перед ее глазами. Если бы она была Араньей, то была бы вне себя от беспокойства. Подумав так, она тут же изобразила волнение и высоким голосом ответила: «Как я могу это сделать? Я пришла сюда, чтобы навестить его, а он пьян в стельку. Как я могу быть спокойна, если не останусь присматривать за ним?» Едва эти слова слетели с ее губ, как, не дожидаясь реакции окружающих, она первой почувствовала стеснение в груди и быстро потеряла ее.

Ее управляющий, казалось, все понял, выслушав то, что она сказала. Он встал и помог ей сесть на стул рядом, затем заверил ее: «Хотя Его Превосходительство пьян, он очень спокоен. Просто он не разрешал нам кормить его супом от похмелья. Поскольку мы попытались приблизиться, он тут же побил кучу фарфора. Интересно, сколько всего уже сломано?»

Пока он говорил, раздался грохот, и еще одна фарфоровая чаша разбилась вдребезги. Две служанки и слуга присели на корточки перед кроватью Чэнь Е; одна хорошо обученная служанка занялась уборкой осколков, другая хорошо обученная служанка подала ему еще одну чашу с отваром, а физически сильный слуга подошел, чтобы заставить Чэнь Е его выпить, а не опрокинуть.

В это время, поскольку Аранья лично благоволила и баловала Чэнь Е, Фэн Цзю внезапно сказала: «Если он хочет разбить их, пусть разбивает. Зачем вы его останавливаете?»

Слуга тут же отдернул руки. Лицо управляющего выражало одновременно горе и скорбь: «Ваше Высочество, возможно, не в курсе, но фарфоровые изделия, уничтоженные Его Превосходительством, были высшего качества, подаренные королевским дворцом. Разбитая только что чаша стоила по меньшей мере десять ночных жемчужин».

Сердце Фэн Цзю обливалось кровью, но так как ей нужно было показать, что она благоволит Чэнь Е, она сквозь зубы процедила: «Ха-ха, неудивительно, что звон от разбитой посуды звучал так восхитительно».

Управляющий пристально посмотрел на нее; казалось, он стал лучше понимать ее.

Горничная, которая специализировалась на перевязке ран, перевязала синяк Фэн Цзю полотенцем. Внезапно Чэнь Е, который лежал в постели, открыл рот и заявил: «Скажите им, чтобы все ушли».

Фэн Цзю прищурилась. Значит ли это, что он пришел в себя?

Все горничные и слуги повернулись к ней. Под этими взглядами, Фэн Цзю ловко сбросила полотенце на пол и поспешила к его кровати.

Чувствуя себя не в своей тарелке, она с участием спросила: «Вы чувствуете себя лучше?»

Старый управляющий отпустил слуг во внешний зал, а сам встал на страже за дверью, на случай, если Фэн Цзю что-нибудь понадобится.

Чэнь Е открыл глаза и посмотрел на нее. Это был первый раз, когда Фэн Цзю увидела, что можно действительно напиться до хмельной бледности. Когда он заговорил, его голос звучал, как у трезвого, но глаза были полны неясной дымки. Фэн Цзю решила, что он действительно пьян.

Чэнь Е смотрел на нее довольно долго, затем наконец заговорил: «Я знал, что это место не будет точно таким же, как в прошлом, и что многое изменится. Но пока ее тело было здесь, не имело значения, насколько все изменилось. Вообще-то лучше все изменить, чтобы я не...» Не закончив фразы, он как будто с силой подавил в себе какое-то чувство. В его голосе слышалось величайшее страдание: «Но оболочка - это всего лишь оболочка. Как могла оболочка написать такое письмо? Нет, даже этих писем лучше не видеть, лучше всего...» Он взял ее за руку, а потом отпустил, как будто у него не было сил: «Ты не должна быть ею. Ты не можешь быть ею».

- Ты не она, - повторил он через некоторое время.

Фэн Цзю была поражена, и тихо спросила в ответ: «Кем, по-твоему, я не должна быть?»

Чэнь Е посмотрел на полог кровати, но не ответил на ее вопрос. Его лицо было ужасно красивым, ужасно холодным и ужасно растерянным. «Я как-то сказал ей, - хрипло начал он, - что, учитывая множество возможностей для отношений между нами - незнакомцы, враги, заклятые враги и так далее - разве нет никакой возможности для взаимного признания? Она рассмеялась тогда. Скажи, что она имела в виду, когда смеялась?»

Фэн Цзю довольно долгое время молчала.

- Может быть, ей показалось, что твои слова прозвучали несколько холодно?

Чэнь Е проигнорировал ее замечание. Вместо этого он пристально посмотрел на нее. В его растерянных глазах плескалась едва сдерживаемая боль.

- Ты сказала, что можешь дразнить меня, а может, я действительно тебе нравлюсь, но на самом деле ты имела в виду именно это, не так ли?

В его обиде был тончайший оттенок радости, как будто внутри безмолвного отчаяния внезапно расцвел белый цветок Саха-манджушаки. Фэн Цзю, наконец, поняла, почему Аранья влюбилась в Чэнь Е. Его Превосходительство архимаг был действительно хорош собой.

На мгновение она замолчала, не зная, что ответить. Потом все-таки сказала: «Ну, да».

Чэнь Е, очевидно, не знал, о чем она говорит; она сама себя плохо понимала. Фэн Цзю только сейчас вспомнила старые рассказы Су Мое, ее сердце бешено колотилось, в голове царил беспорядок. Когда она увидела, что Чэнь Е немного помолчал, а затем посмотрел так, как будто собирался сказать что-то еще, она почувствовала себя немного раздраженной и вырубилась.

Кругом воцарилась тишина.

Она уже собиралась обдумать причину своих мыслей, когда невольно подняла глаза и увидела своего старого управляющего, сжавшегося у двери и потрясенно глядящего на нее.

Фэн Цзю вдруг поняла, что она нанесла удар слишком резко. Когда она увидела Чэнь Е, лежащего без сознания в постели, она сделала глубокий вдох и быстро перешла к контролю повреждений: «Он не пил отвар от похмелья и лежал спокойно. Ведь это явно не пойдет ему на пользу? Ударить его было последним средством, но это привело к хорошему результату. Увы, рана его, но боль моя. Когда я смотрю на него в эту самую секунду, мое сердце колотится от боли».

Потрясение на лице старого управляющего тут же сменилось сочувствием и тревогой. Он

осторожно попытался утешить ее: «Ваше Высочество...»

Фэн Цзю схватилась за грудь и перебила его: «Боль иногда медленно просачивается внутрь, иногда приступом рвёт грудь. В этот момент, она словно одна из колючих игл, пронзающих мое сердце дюйм за дюймом, Ах, это так больно! Я вернусь первой и подожду, пока боль утихнет. Пожалуйста, позаботьтесь об остальном для меня!» С этими словами она схватилась за грудь и отступила к двери.

Между бровями старого управляющего залегла складка, он явно был тронут.

- Ваш покорный слуга будет служить Его Превосходительству, насколько это в моих силах, чтобы разделить бремя Вашего Высочества.

Оказавшись у двери, Фэн Цзю облегченно вздохнула и подняла руку, чтобы вытереть пот со лба. Актерская игра тоже требовала техники; к счастью, она не потеряла самообладания в этой ситуации благодаря своему прошлому опыту.

Однажды, когда Су Мое выпил немного больше обычного, он рассуждал об одной вещи, сетуя, что это действительно загадка. Как может случиться, что два не связанных между собой человека соединились таким образом, что если она была счастлива, вы были счастливы, если она была печальна, вы тоже были печальны? В этот момент сердце Фэн Цзю было переполнено эмоциями. Что в этом было такого трудного для понимания? Она и Чэнь Е, например, пришли к этому. Несмотря ни на что, между ними всегда будет хоть какая-то связь. Будь он счастлив, то не стал бы досаждать ей, и она тоже была бы очень счастлива. Но если ему будет грустно, он придет мучить ее, и тогда она тоже опечалится.

Она вздохнула, затем оглянулась на шумную комнату Чэнь Е. Вспомнив о своих недавних слащавых словах, сказанных управляющему, она вздрогнула и поспешно убежала.

Теперь, лежа в своей комнате, Фэн Цзю вертела в руках маленькую чайную чашку. Всякий раз, когда она что-то обдумывала, у нее всегда была привычка поворачивать вещи в своей ладони.

Она знала, что Су Мое имел свои подозрения относительно создателя этого мира, но они никогда не видели явных следов, оставленных кем-либо до сегодняшнего пьяного представления Чэнь Е. Эта штука, называемая алкоголем, на самом деле никуда не годилась.

Если Чэнь Е действительно создал этот мир, то он, должно быть, создал его только для того, чтобы снова быть с Араньей. Но если это так, то почему он был так безразличен к ней с тех пор, как она попала сюда? Эта часть не имела для нее никакого смысла. Он даже говорил странные вещи сегодня вечером, например, что она не должна быть Араньей, или, что она всего лишь оболочка и тому подобное.

Мо Шао как-то сказал, что создатель этого мира не настолько силен. Любой, кто попадет в это место, заменит оригинал, но по логике, об этом будут знать только эти люди. Даже создатель

не должен обладать этим знанием. Другими словами, Чэнь Е не мог знать, что на самом деле она была Бай Фэн Цзю, а не Араньей. И все же он продолжал настаивать, что она всего лишь оболочка. Или, может быть... поскольку он создал другую Аранью, но не мог обмануть себя, что она реальна, он сказал, что она всего лишь оболочка?

Огонь в лампе потрескивал. Внезапно в ее сознании промелькнуло смутное воспоминание. В ту ночь, когда Чэнь Е спас ее из клетки Цзюцюй, она услышала эти слова в трансе. Несмотря на то, что она мало что помнила, они оставляли некоторое впечатление: «Я сделаю так, чтобы ты возродилась. Я верну тебя обратно». В этот момент она подумала, что, возможно, это действительно звучит немного похоже на Чэнь Е.

Пока Фэн Цзю размышляла над этим, она почувствовала, что у нее начинает болеть голова. Кроме того, не следует слишком много думать по ночам, иначе сон не придет легко. Она поставила чашку и решила вернуться к этому вопросу, как только проснется.

Она проспала до рассвета. Когда она проснулась, ее старый управляющий уже ждал снаружи. Он подал ей чашку бодрящего супа, сказав, что господин Чэнь Е протрезвел и был очень тронут, когда узнал, что принцесса лично посетила его вчера вечером. Предположив, что принцессу потревожили, он приказал повару приготовить этот суп и попросил отнести его ей. Старый слуга видел, что господин Чэнь Е на самом деле очень заботится о принцессе.

Когда старый управляющий произнес эти слова, в его глазах заблестели счастливые слезы. Пока он проливал слезы, Фэн Цзю ела суп из чашки и думала, что он действительно очень освежает. Она съела еще половину тарелки овсянки на завтрак, а затем, прибравшись, почувствовала, что сегодня ей нужно обдумать несколько серьезных вопросов. Прошлой ночью ей казалось, что эти вопросы имели какое-то отношение к Чэнь Е. Она потратила полдня на размышления, но не могла вспомнить, что сказал Чэнь Е, и не могла вспомнить, о чем хотела подумать. После некоторого размышления она решила, что раз она не может ничего вспомнить, то, вероятно, это не имеет значения, или она запуталась и запомнила неправильно, и больше не хотела думать об этом.

Сицзэ вызвал Су Мое. Чача она послала доставить ириски к Сицзэ. А Сицзэ? Она могла поспорить, что Сицзэ сейчас тоже сидит во дворце. Может быть, все трое собрались вокруг маленького столика, чтобы насладиться ирисками и чаем, развлечься и поиграть.

Фэн Цзю чувствовала себя немного грустной и в то же время немного одинокой.

Таким образом, она провела унылый и одинокий день на кухне, чтобы приготовить еще ирисок. Она сделала две для себя и по две для каждого из своих слуг, приберегла пять для Су Мое, и еще осталось пять. Подумав немного, она вспомнила, что утром Чэнь Е прислал ей суп, и ей нужно было ответить взаимностью. Будучи человеком, который уважал правило взаимной вежливости, она упаковала остальные ириски в пакет, а затем приказала управляющему отнести пакет вместе со вторым письмом Чэнь Е.

---

[1] час петуха - 5-7 часов вечера

<http://tl.rulate.ru/book/32932/786921>